

УДК 291.4

Становление субъективности в религиозной традиции: к постановке проблемы

Ю. Ф. Абрамов, В. И. Куйбарь, А. Е. Смирнов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Цель статьи – очертить возможное поле религиоведческих исследований, связанных с процессами субъективации в религиозных традициях. Различные религиозные традиции формируют различные типы культуры психической деятельности, или различные субъектные профили. Представляется важным ответить на вопросы о том, каким образом и за счет каких средств осуществляется такое формирование. Что происходит с человеком, переживающим религиозный опыт? Каков «механизм» влияния религиозного опыта на субъектную конституцию индивида? Известно, что в данной ситуации меняются не только интересы, ценности, кругозор, круг общения, привычки, типы реакций, влечений, аффектов, но также модели социального поведения. Каковы субъектные трансформации индивида, опознающего для себя значимость *религиозного*? И как со структурной, непсихологической точки зрения описать этот процесс? В статье кратко освещаются история проблемы, степень ее разработанности, а также методологические принципы и методы ее исследования.

Ключевые слова: религия, религиозный опыт, религиозная традиция, субъект, субъективность, субъективация, религиозная практика, православная традиция, социально-гетерологический метод.

Цель статьи – очертить возможное поле религиоведческих исследований, связанных с процессами субъективации в религиозных традициях. Различные религиозные традиции формируют различные типы культуры психической деятельности, или различные субъектные профили. Нам представляется важным ответить на вопросы о том, каким образом и за счет каких средств осуществляется такое формирование. Что происходит с человеком, переживающим религиозный опыт? Каков «механизм» влияния религиозного опыта на субъектную конституцию индивида? Известно, что в данной ситуации меняются не только интересы, ценности, кругозор, круг общения, привычки, типы реакций, влечений, аффектов, но также модели социального поведения. Каковы субъектные трансформации индивида, опознающего для себя значимость *религиозного*? И как со структурной, непсихологической точки зрения описать этот процесс? В данной работе кратко освещаются история проблемы, степень ее разработанности, а также методологические принципы и методы ее исследования. Начиная с 2015 г. данная тема является приоритетным направлением исследований факультета религиоведения и теологии ИГУ. По сведениям исследовательской группы факультета, заявленная постановка проблемы не имеет аналогов как в

отечественной, так и мировой исследовательской практике и претендует на уникальность. Нам представляется, что теоретико-методологическое осмысление влияния религиозного опыта на субъектную конституцию индивида открывает новое поле исследований в религиоведении, связанное с процессами субъективации (становления субъекта) в религиозных традициях.

Если построение онтологии религиозности есть одна из важнейших задач религиоведения, то в качестве одного из ее значимых направлений выступает проблема создания теоретической модели *субъекта религиозного опыта*. Первым ученым, исследовавшим влияние религиозного опыта на субъекта и специфику его существования, считается У. Джемс. Феномен религиозного опыта и его конститутивные последствия для субъекта описываются им с психологической точки зрения, исходя из философских позиций прагматизма. С работ Джемса начинается первая волна исследований религиозного опыта в рамках психологии религии, продлившаяся до конца 1930-х гг. Параллельно идет формирование феноменологии и, позже, герменевтики религии. Неоднозначность и специфичность предмета исследования была выявлена уже на этом этапе. Какие именно трансформации субъектных структур могут быть отнесены к влиянию религиозного опыта? Что именно и как меняется в субъекте, его переживающем? Каковы критерии аутентичности опыта религиозной традиции? Само понятие религиозного опыта не перестает быть источником споров. В работах современных исследователей систематизированы теоретические направления, применяющиеся ныне для концептуализации религиозного опыта и религиозного обращения, приводятся обширные библиографические сведения. Понятие религиозного опыта исследуется в широкой социокультурной перспективе, анализируются многочисленные исследовательские подходы к этому явлению.

Однако вопросы о том, как именно религиозная практика влияет на организацию субъективности, а также о том, каков «механизм» религиозного обращения, остаются в существенной степени открытыми. Как объяснить то обстоятельство, что человек, зачастую внезапно, без видимых на то причин и оснований, обращается к вере? А также то, что, уверовав, он становится другим?

Религиозный опыт претерпевается, переживается, выносится, осваивается субъектом. Следовательно, первый аспект проблемы влияния религиозного опыта на субъектную конституцию индивида таков: что представляет собой *процесс субъективации*, процесс становления субъекта? Каковы логико-методологические условия и аналитические средства познания процесса становления субъективности?

Каждая религия институционализирует собственный религиозный опыт. Она обеспечивает его аутентичное постижение субъектом в рамках религиозной традиции как организованного упорядоченного процесса в различных формах культовой и теоретической деятельности. Второй аспект проблемы заключается в необходимости *формализации* религиозного опыта как содержания религиозной традиции [9]. Другими словами, для определения влияния того, как религиозный опыт влияет на субъектную конституцию индивида, необходимо определить его не по содержанию, но с точки зрения *структурных условий его возможности*.

Третий аспект проблемы связан с созданием методологической программы исследования влияния религиозного опыта на становление субъективности. Посредством *чего* задается и воспроизводится субъект религиозной традиции? Какие специфические религиозные практики задают субъекту конкретные способы присвоения субъективности, предполагающие сознательную и/или бессознательную работу по упорядочиванию, нормированию, канализации аффектов, страстей, желаний, определению персональной и коллективной идентичности, общественного статуса, социальной роли и т. д.?

Поскольку в предполагаемом исследовании ставится вопрос о структурных условиях возможности религиозного опыта как такового, оно будет коррелировать с такими направлениями религиоведения, как *феноменология религии* (которая исследует инвариантные структуры религии). Ввиду необходимости постановки вопроса о средствах познания субъективности, трансформирующейся под влиянием религиозного опыта, проект будет способствовать развитию *религиоведческой герменевтики* (в задачу которой входит искусство понимания *homo religiosus*). По причине того, что в исследовании идет речь о социальном субъекте, трансформирующемся под воздействием религиозных практик, а также того обстоятельства, что и субъект, и религиозные практики рассматриваются в качестве функции или события социальных структур, институтов, общественных отношений (а не как нечто первичное), исследование важно с точки зрения развития *социологии религии* (которая призвана объяснить как общественные закономерности самой религии, так и социальную генеалогию ее структуры и элементов).

Что же касается научной новизны исследования, то она может быть разделена на теоретико-методологическую и содержательную. Теоретико-методологическая новизна заключается в разработке такой концепции социального субъекта, которая позволила бы представить его в модусе становления, а не основания. Содержательная новизна исследования предполагает создание теории субъективации в религиозной традиции, предполагающей объяснить, не «что» религии, но ее «как»: как осуществляется трансформация субъектных структур индивида, находящегося под воздействием практик религиозной традиции? [12].

Анализ современного состояния исследований по проблеме влияния опыта религиозной традиции на субъектную конституцию индивида разделяется на две части. Первая часть исследований касается проблемы содержания религиозной традиции и понятия религиозного опыта, рассматриваемых не по содержанию, но с точки зрения своего *существования и функционирования*. Вторая часть исследований связана с проблемой *субъекта* религиозного опыта, так как субъект здесь также должен мыслиться в процессе становления, трансформации, преобразования.

Проблема содержания религиозной традиции предполагает ответы на вопросы: что именно и как передает религиозная традиция? Эти вопросы в отечественной науке рассматривались В. С. Семенцовым, В. В. Малявиным, С. С. Аверинцевым (их работы представлены в [3]), А. В. Кураевым [7]. Проблема *средств трансляции* религиозного опыта неявным образом решалась С. С. Хоружим в его концепции духовных практик [15]. Для анализа проблемы

выражения религиозного опыта не теряют своего значения работы П. А. Флоренского о пространственно-временных характеристиках духовного опыта в живописных произведениях [14]. Им же разрабатывалась проблема тела как специфического средства и итога религиозного опыта. В рамках аналитической антропологии изучению топологических характеристик духовного опыта (на примере философии и литературы) посвящены работы В. А. Подороги [8] и В. М. Топорова [13].

Что касается направлений религиозоведческих исследований, в русле которых находится проблематика проекта, то это прежде всего религиозоведческая герменевтика и феноменология религии. Следует отметить, что упомянутые области знания нужно рассматривать, скорее, в качестве трендов или тенденций, так как феноменология религии, равно как и религиозоведческая герменевтика, лишены на сегодняшний день внутреннего единства. Немногочисленные современные проекты нефеноменологии религии (постфеноменологии религии) кладут в собственное основание ту или иную версию философской герменевтики. Так, феноменология религии П. Рикера основывается на фундаментально-онтологической герменевтике М. Хайдеггера, а феноменология религии В. Гантке построена на диалогической герменевтике О. Больнова. Тем не менее работы Й. Ваха, Ф. Хайлера, М. Элиаде, В. Гантке, Ж. Ваарденбурга, У. Кинга и других представителей классической и современной феноменологии обладают пусть ситуативным, но все же весьма значительным методологическим потенциалом, позволяющим сделать определенные выводы о влиянии опыта религиозной традиции на субъектную конституцию индивида.

Вторая часть исследований, посвященная проблеме становящейся субъективности, предполагает большее количество теоретических сюжетов, так как судьба субъекта – одна из тем, в значительной степени определивших судьбу современной философии. Корпус социально-философских подходов, связанных с проблематикой субъективности, субъектности и субъективации, начинает систематически формироваться с середины XIX в., одновременно с появлением тем и практик неклассической философии. Главными фигурами здесь выступают Ф. Ницше и С. Кьеркегор. Субъективность перестает оцениваться по меркам познавательных стандартов, как помеха. Через сто лет субъективность трактуется как основная сила и форма развития социальности (В. Е. Кемеров), как ресурс постиндустриальной экономики (А. Горц, Т. Сакайя, Д. Белл, Т. Стюарт, О. Тоффлер). Важным шагом в осмыслении субъектности явились постдиалектические концепции становления (А. Бергсон, Э. Гуссерль, У. Джемс, А. Уайтхед, М. Фуко, Ж. Делез), а также «экспериментальные» формы философствования и художественной практики (В. Беньямин, Ж. Батай, М. Хайдеггер, Т. Адорно, В. Хлебников, М. Пруст, Ж. Деррида). Проблематика производства и становления субъективности превращается в междисциплинарную область исследования; количество работ, имеющих косвенное отношение к становлению субъективности, становится огромным. Среди школ и направлений, внутри которых проблематизировалось классическое понятие субъекта, следует выделить постструктурализм и философские дискурсы постмодернистского толка (Ж.-Ф. Лиотар, Р. Барт, Ж. Делез, Ж. Лакан, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси,

Ф. Лаку-Лабарт). Тему революционной субъективности и ее политической и эпистемологической значимости разрабатывают постмарксисты (К. Касториадис, С. Жижек, Э. Лаклау, Ш. Муфф, А. Бадью, А. Негри, М. Харт).

Весомый вклад в разработку проблема тела и субъектности сделан представителями феминистской философии (Л. Иригарей, Д. Батлер, Лороти Е. Смит). Со второй половины XX в. прослеживаются попытки построения аналитики процессов становления субъекта. Наиболее заметные из них: теория интерпелляции Л. Альтюссера (и примыкающие к ней работы С. Жижека) и концепция «субъективации в истине» А. Бадью. Центральное место в этом ряду принадлежит М. Фуко; тема историчности процессов субъективации прошла через все его творчество, начиная со второй половины 70-х гг. Проблематика становления вообще и проблема его выражения является традиционной темой сектора аналитической антропологии ИФ РАН под руководством проф. В. А. Подороги. Выраженной методологической продуктивностью отличаются работы проф. Т. Х. Керимова, разрабатывающего «социальную гетерологию» – особое направление в рамках социальной философии, предоставляющее концептуальные средства для работы с открытым, децентрированным субъектом и незавершенной, «несамодостаточной» социальностью [4; 5]. Таким образом, к важнейшим направлениям, проблематизирующим фигуру классического субъекта, мы относим постструктурализм, философский постмодернизм, постмарксизм, деконструктивный феминизм (подробную библиографию см. в [11, с. 232–248]). К основным тенденциям, внутри которых развивается данная проблематика, отнесем, во-первых, *философию различия*, отказывающуюся мыслить бытие в качестве основания; во-вторых, *социальную гетерологию* (как приложение принципов философии различия к социально-философской проблематике), в-третьих, философские понятия и практики, ставящие под вопрос единство, самоидентичность, однородность и автономию социального субъекта [10, с. 24–26].

В качестве основных методологических принципов исследования послужили идеи: 1) *историчности* субъективности, 2) *процедурности (техничности)* субъективности и 3) *событийности* субъективности.

Субъективность *исторична* – это значит, что в каждую историческую эпоху, в каждой культуре существовали множественные способы отношения к себе, предполагавшие соответствующие практики обращения с собой. Отношение к себе и практики обращения с собой задают субъекту специфические способы присвоения субъективности, предполагающие сознательную или бессознательную работу по упорядочиванию, нормированию, канализации аффектов, страстей, желаний, определению персональной и коллективной идентичности, общественного статуса, социальной роли и т. д. Социальный субъект остается «статичным», т. е. сохраняющим определенный тип субъектного профиля до тех пор, пока данные практики действуют и с тем или иным успехом воспроизводят его субъектную конфигурацию.

Субъективность *процедурна* (технична). Субъективность подвержена трансформативным влияниям – это значит, что субъективность *процедурна*, всегда *технически опосредована*. Момент «техничности» формально и содер-

жательно необходим при конституировании любых форм субъективности. Не существует субъективности «изначальной», «субъективности как таковой». Никакое субъективное «внутреннее» не существует без сформировавшего, воспроизводящего, поддерживающего его «внешнего». Появлению субъективности предшествует некие *процедуры*, техники или практики. Тезис о процедурности субъективности открывает возможность мыслить отношение субъекта и *другого* – не-социального и не-человеческого. Или мыслить техничность и субъективность без взаимного ограничения. Между техничностью и субъективностью нет «между» – техничность и субъективность не предполагают оппозиции [10, с. 232–248].

Субъективность *событийна* – это значит, что между субъективностью и соответствующими ей практиками (и/или процедурами) нет однозначно детерминированных отношений. Для становящейся субъективности «быть» – значит *сбываться*, причем не обязательно в смысле реализации. В пику связям детерминации, подчинения и даже взаимоподчинения, субъективность выводится к существованию множественными непрерывно «сочиняющими» (П. А. Флоренский) друг друга подвижными пространственно-временными инстанциями. В соответствии с этой логикой все выводимое к присутствию непрерывно «сочиняется» в отношении друг к другу, причем так, что всякая цель или сущность принципиально временны, операциональны и в то же время полностью определены открытой суммой совместности сущего.

Методологической основой исследования является комплекс подходов, связанных с работами М. Хайдеггера, Ж. Деррида, Ж. Делеза, М. Фуко. Методологическое значение трудов М. Хайдеггера двояко: во-первых, это методологические импликации Dsein-анализа, во-вторых, онтологическое различие и концепция бытия как события. Концептуальный аппарат фундаментальной онтологии сделал возможным представить становящуюся субъективность в качестве открытости (к бытию), исключающей отношение к себе в форме самотождественности и присутствия для самого себя. Хайдеггеровское открытие онтологического различия позволит рассматривать процесс становления субъекта (субъективацию) в качестве объективной неопределенности, а также указывает на характер связи между антропологической субъективностью и субъектностью как таковой [10, с. 24–26].

Вклад Ж. Деррида связан с идеей деконструкции и указанием на конститутивную роль «неразрешимостей». Так, деконструкция понятия субъекта позволит выявить теоретико-методологическую обусловленность проблемы, а тезис о фундаментальной роли «неразрешимости» утверждает идею рассмотрения субъективации как принципиально незавершающегося процесса.

В целях построения теоретической модели процессов субъективации в религиозной традиции у Ж. Делеза могут быть заимствованы идея дифференциального отношения, понятия «актуальное» и «виртуальное», а также идея бытия как различия. Наконец, тезис об историчности субъективности и возможности оказания различных трансформативных влияний на субъектную конституцию индивида взяты у М. Фуко.

Не лишена оснований идея о виртуальной природе процессов субъективации. В качестве отправной посылки, объясняющей допустимость этого предпо-

ложения, выступает непреложность возникновения и существования данного феномена в акте и времени взаимодействия человека с различными практиками [6]. Здесь проявляются и процедурность, и техническая опосредованность, и событийность, и сочиняемость. В дальнейшем авторы планируют развить эту идею и использовать информационно-виртуальный подход [1], тем более что виртуальная природа духовности как производная в том числе и религиозных традиций, опыта и практики уже обоснована [2].

Важным методологическим ресурсом является подход, позволяющий работать с открытой, несамодостаточной или «радикальной» социальностью. Его практикуют и развивают В. Е. Кемеров, Т. Х. Керимов, С. А. Азаренко. Особо в этом ряду следует отметить работы Ж.-Л. Нанси, посвященные высвобождению теоретических ресурсов хайдеггеровского со-бытия (*Mitsein*). Субъективация в этой перспективе рассматривается как событие разделения совместности с «другим».

Разнообразие вышеперечисленных подходов координируется с помощью социально-гетерологического метода, продуктивность которого заключается в том, что с его помощью вводится новая система координат, внутри которой очевидности типа «сознания», «души», «субстанции», «я» не занимают доминирующего положения. Смысл социально-гетерологического метода заключается в возможности мыслить присутствие индивидуального в социальном, «другого» в структуре «я». Социально-гетерологический принцип утверждает множественность, которая всегда больше единства. Всякое социальное существование – уклонение от единства в пользу множественности, а субъект, выдерживающий становление-в-религии, есть всегда нечто большее, нежели ему известно в «интроспекции» или из символизма культовой практики, вероучения, теологии и т. д. [12].

Анализ механизмов структуризации субъективности в различных религиозных традициях означает возможность понять специфику духовного опыта, лежащего в основе различных цивилизационных типов. В частности, выявление технологий субъективации православной традиции может рассматриваться как составная часть более широкого генеалогического анализа, описывающего латентное вызревание «русского мира» как глобального социокультурного образования. Актуальность данного аспекта задается необходимостью самоидентификации России в современном глобализационном процессе, сохранения культурно-религиозной самобытности России, ухода от навязываемых моделей и стереотипов, воссоздания духовно-нравственных основ общества.

Теоретические результаты проекта могут составить основу для выработки отдельных положений научно-обоснованной политики коллективных субъектов различного уровня, концепций развития социальных институтов и религиозных организаций. Материалы исследования могут также использоваться для комплексной разработки технологий субъективации в соответствии с различными профессиональными нуждами, а также для разработки теоретико-методологических основ глобальной и региональной миссионерской деятельности РПЦ.

Список литературы

1. *Абрамов Ю. Ф.* Категория «информационно-виртуальная реальность» как фактор развития научно-философского знания (теоретико-методологический аспект) / Ю. Ф. Абрамов, В. И. Куйбарь // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. Культурология. – 2010. – № 6. – С. 44–50.
2. *Абрамов Ю. Ф.* Концепт и структура феномена духовности в современном религиоведении / Ю. Ф. Абрамов, Р. А. Косолапов, В. И. Куйбарь // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 169–181.
3. Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации / ред.-сост. Л. Ш. Рожанский. – М. : Наука, 1988. – 291 с.
4. *Керимов Т. Х.* Социальная гетерология / Т. Х. Керимов. – Екатеринбург : Урал-НАУКА, 1999. – 169 с.
5. *Керимов Т. Х.* Бытие и различие. Генеалогия и гетерология / Т. Х. Керимов. – М. : Акад. проект, 2011. – 256 с.
6. *Куйбарь В. И.* К вопросу о виртуальных формах социальных взаимодействий в информационном обществе / В. И. Куйбарь // Вестн. Краснояр. гос. ун-та. Гуманит. науки. – 2006. – № 6. – С. 22–27.
7. *Кураев А.* Традиция. Церковь. человек / А. Кураев // Путь : междунар. филос. журн. – 1992. – № 2. – С. 183–201.
8. *Подорога В. А.* Выражение и смысл / В. А. Подорога. – М. : Ad Marginem, 1995. – 426 с.
9. *Смирнов А. Е.* О содержании религиозной традиции и средствах трансляции религиозного опыта / А. Е. Смирнов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 248–255.
10. *Смирнов А. Е.* Процессы субъективации: социально-философский анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01 / А. Е. Смирнов ; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 2012. – 46 с.
11. *Смирнов А. Е.* Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты / А. Е. Смирнов. – Иркутск : НЦРВХ СО РАМН, 2011. – 305 с.
12. *Смирнов А. Е.* Религиозное обращение и проблема онтологии субъекта. Часть 1 / А. Е. Смирнов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 9. – С. 231–242.
13. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1 / В. Н. Топоров. – М. : Гнозис, 1995. – 874 с.
14. *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и временности в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – М. : Прогресс, 1993. – 324 с.
15. *Хоружий С. С.* Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии / С. С. Хоружий. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. – 688 с.

The Formation of Subjectivity in Religious Traditions: the Problem Statement

Yu. F. Abramov, V. I. Kuibur, A. E. Smirnov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The purpose of this article is to outline the possible field of religious studies associated with the processes of subjectivation in religious traditions. Different religious traditions

form different types of culture in mental activity, or different subject profiles. It is important to know how and by what means this process is formed. What happens to a person undergoing religious experience? What is the «mechanism» of the impact of religious experience on the subjective constitution of an individual? It is known that not only interests, values, worldview, social circle, habits, types of reactions, drive, affections change in this situation, but also behavior models. What subjective transformation does an individual recognizing significance of *religious* experience? And how to describe this process from structural rather than psychological point of view? The article briefly describes the history of the problem, the level of its scientific development, as well as methodological principles and methods of its research.

Keywords: religion, religious experience, religious tradition, the subject, subjectivity, subjectivation, religious practice, orthodox tradition, socio-heterological method.

Абрамов Юрий Федорович

*доктор философских наук, профессор,
заведующий, кафедра философии
и методологии науки, факультет
религиоведения и теологии
Иркутский государственный университет
664003 г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–410 в
тел.: 8(3952)334372
e-mail: philosophy@chair.isu.ru*

Abramov Yuriy Fedorovich

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Head of the Department of Philosophy and
Methodology of Science, Faculty of Theology
and Religious Studies
Irkutsk State University
410 v-1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: philosophy@chair.isu.ru*

Куйбарь Владимир Иванович

*доктор философских наук, доцент,
кафедра философии и методологии науки,
декан, факультет религиоведения
и теологии
Иркутский государственный университет
664003 г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–410 в
тел.: 8(3952)334372
e-mail: naukaitfk@mail.ru*

Kuibar Vladimir Ivanovich

*Doctor of Sciences (Philosophy), Associate
Professor, Department of Philosophy and
Methodology of Science, Faculty of Theology
and Religious Studies
Irkutsk State University
410 v 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
tel.: 8(3952)334372
e-mail: naukaitfk@mail.ru*

Смирнов Алексей Евгеньевич

*доктор философских наук, профессор,
кафедра философии, психологии
и социально-гуманитарных дисциплин
Восточно-Сибирский институт МВД
России
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110
тел.: 8(3952)410982
e-mail: aesmir@mail.ru*

Smirnov Aleksey Yevgenyevich

*Doctor of Sciences (Philosophy), Professor,
Department of Philosophy, Psychology,
Social Studies and Humanities
East-Siberian Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
110, Lermontov st., Irkutsk, 664074
tel.: 8(3952)410982
e-mail: aesmir@mail.ru*